

К началу июня тренировочный лагерь проекта «Мужество» завершил свою работу.

Погода в городе G пустилась во все тяжкие, колеблясь между палящим зноем и стеной проливных дождей. Но какой бы день ни выдавался, удушающая жара никуда не девалась. Особенно невыносимо становилось перед самым закатом — воздух буквально застывал, не давая вздохнуть. Впрочем, даже такие капризы природы не могли затормозить съёмочный процесс.

Янь Суй получил на руки очередной, уже сбившийся со счёта вариант сценария. В первых сценах у него было не так много экранного времени. Последняя редакция слегка отличалась от того чернового наброска, что им выдали перед началом тренировок, но основные сюжетные линии остались прежними — изменились лишь штрихи. В этих тонких правках безошибочно угадывался почерк настоящего мастера: сохранив плотную структуру сюжета и динамичный темп, сценарист углубил драматические конфликты, заставив зрителя задуматься о серой зоне морали. Персонажи от этого только выиграли, став гораздо объёмнее.

Если говорить о характере персонажа, то Ли Сун, роль которого досталась Янь Сую, оказался несравнимо сложнее Не Яна — его дебютной работы. Ли Сун рос в потомственной семье полицейских и ни в чём не знал нужды. За надёжными спинами отца и старшего брата он был любимчиком матери, которая без памяти его баловала. Можно сказать, что первую половину жизни парень провёл в безоблачной, почти детской наивности.

Но сказка оборвалась. Отец погиб при исполнении, старший брат унаследовал его личный жетон, а мать постарела в одночасье. Лишь тогда этот беспечный баловень судьбы словно очнулся ото сна, осознав: надёжный щит, защищавший его от жестокого мира, рухнул. Всё произошло слишком быстро. У Ли Суна даже не было времени на подростковый бунт — взрослеть пришлось за одну ночь.

В новой редакции Ли Сун казался более замкнутым и холодным, но именно это делало его образ по-настоящему достоверным. Сценарист безжалостно вырезал дешёвую сентиментальность: больше никаких долгих, слезливых уговоров со стороны матери и брата. Убрали и романтическую линию — герою больше не требовалась понимающая и нежная девушка, залечивающая его душевные раны. Ли Сун с детства дышал этим воздухом, варился в этой среде. Для него чужая смерть, несправедливость и вечный выбор между добром и злом были привычным фоном, реальностью, которую он прежде просто старался не замечать.

Словом, Янь Суй находил эти изменения чертовски правильными. Вовсе не обязательно за спиной каждого героя в форме должна стоять всепрощающая, ласковая женщина, готовая утирать ему слёзы и лечить душевные травмы ради создания идеального экранного образа. Какая уж тут нежность и любовная чепуха? В суровой реальности такие люди чаще всего остаются один на один со своей судьбой — одинокие и непоколебимые.

Под руководством Чжан Юня работа над фильмом с самого начала пошла вопреки устоявшимся канонам. Он не стал выжидать «благоприятный день», высчитанный гадалками, о котором всю трубили СМИ. Вместо этого, отсняв уже приличную часть материала за несколько дней, съёмочная группа устроила максимально скромную церемонию начала

съёмок. В один из будней прямо под проливным дождём они наспех соорудили алтарь и кое-как преподнесли традиционную свиную голову.

— Уберите эту свиную голову с глаз долой, она от сырости разбухнет и станет ещё уродливее!
— ворчал режиссёр Чжан Юнь.

— Дождь в дорогу — хорошая примета! Обязательно взлетим! — подбадривал его помощник, Чжан Цин.

Команда дружно расхохоталась, но Чжан Юнь тут же посерьёзnel.

— Где операторский кран? Подъёмник на месте?! Сам бог нам такой ливень послал, чего копаетесь? Живее, сейчас же всё закончится!

Спустя несколько минут под крики и ругань режиссёра съёмочная группа наконец запустила камеру.

Пустынная односторонняя улочка тонула в серых потоках воды. На мокром асфальте сиротливо жались прибитые дождём листья. Сквозь плотную водяную завесу на перекрёстке едва угадывался силуэт постового в светоотражающем плаще; по мере того как ливень набирал силу, яркий дождевик превратился в размытое неоновое-жёлтое пятно.

Камера скользнула ближе, фокусируясь на круглосуточном магазинчике у дороги.

Сквозь заклеенное рекламными плакатами стекло было видно единственного обитателя помещения — сонного продавца в помятой пижаме. На его заплывшем лице отпечатался след от циновки, а взъерошенные, слегка сальные волосы забавно топорщились в разные стороны. Мужчина лениво потянулся, достал из холодильника мороженое и, уткнувшись в монитор кассового аппарата, запустил какую-то дораму.

В этот момент в магазин, спасаясь от ливня, влетел Ли Сун. Он резко стянул с головы капюшон, с которого полетели брызги.

— Добро пожаловать, выбирайте сами, — буркнул продавец, даже не подняв глаз.

Стоило Ли Суну скрыться за стеллажами, как в автоматические двери ворвался ещё один прохожий. Он застыл на самом пороге, не решаясь пройти вглубь, и с его промокшей одежды на чистый пол шумно закапала вода. Датчик движения сработал, и стеклянные створки замерли в открытом положении.

— Слышь, ты либо зайди, либо проваливай! — раздражённо прикрикнул продавец. — Встал на пороге, весь кондиционер мне наружу выдует! Кто за электричество платить будет?

Незнакомец не проронил ни слова. Он медленно повернул голову, и его тяжёлый взгляд исподлобья скользнул по помещению.

Продавец, привыкший к самым разным чудачкам, ничуть не испугался. Лишь закатил глаза:

— Чего уставился? Не покупаешь — вымётывайся.

В глубине зала Ли Сун уже набрал охапку продуктов: протеиновые батончики, шоколад, пару бутылок молока и банку колы. Благодаря длинным пальцам он без труда удерживал всё это в руках. Широко шагая, он приблизился к кассе и выложил покупки на стойку. Владелец лавки, дожёвывая остатки мороженого, принялся неторопливо сканировать штрихкоды.

— С вас тридцать восемь пятьдесят. Наличные или перевод?

— Наличные.

Молодой человек достал бумажник, где аккуратной стопкой лежали купюры и карточки. Он протянул полтинник, но стоило продавцу потянуться за деньгами, как стоявший у входа промокший мужчина резко выкинул руку вперёд. Прежде чем Ли Сун успел уловить донёсшийся от незнакомца резкий запах сырой земли и тины, купюра исчезла у него из-под носа.

— Эй! Ты что творишь, урод?! — крикнул продавец.

Мимолётного взгляда на вора хватило, чтобы в памяти Ли Суна что-то вспыхнуло.

— Придержите товар, я сейчас вернусь! — бросил он кассиру и пулей выскочил наружу, растворяясь в серой стене дождя вслед за беглецом.

— Снимем ещё дубль для подстраховки!

— Кран чуть левее! Начнём с момента, когда он выбегает на улицу. Поехали!

— Падай жёстче, не бойся приложить силу. Ещё дубль!

Сцену в помещении сняли с первого раза, а вот погоню под дождём пришлось переснимать трижды. Впрочем, с учётом суровых требований Чжан Юня это была невероятная скорость работы.

Янь Суй и Си Фэн промокли до нитки. Как только они вышли из кадра, их тут же препроводили в гримвагены. Переодеться пока было нельзя — впереди ждали новые сцены в той же одежде, но элементарные меры предосторожности принять следовало. Болеть актёрам никак нельзя: и самим тяжело, и съёмочный график полетит к чертям.

У Си Фэна был опытный личный ассистент, который привычно сушил ему волосы и подкладывал сухие полотенца под мокрую одежду. Янь Сую же руководство проекта выделило временного помощника по фамилии Нью, которого на площадке все ласково звали Сяо Нью.

Парень усердно ухаживал за Янь Суем и даже умудрился где-то раздобыть горячий имбирный чай.

— Спасибо, у меня отличный иммунитет, не нужно, — попытался отказаться Янь Суй.

Сяо Нью не стал насильно вливать в него напиток, но от своей затеи не отступился, ловко зайдя с другой стороны:

— Тогда вечером, когда вернёмся в отель, я сварю вам горячую колу с имбирём. Отличный способ прогнать простуду!

На этот раз Янь Суй спорить не стал и согласно кивнул. Имбирь так имбирь, в конце концов, это же не горькое лекарство.

Съёмки завершились лишь к вечеру, когда из-за туч снова выглянуло солнце. Янь Суй вместе с ассистентом доехал до отеля на минивэне Си Фэна. По пути от парковки к лифтам Сяо Нью продолжал сокрушаться:

— Надо было купить нормальную колу по дороге. В отельном мини-баре только Пепси!

— А какая разница? — искренне удивился Янь Суй.

Сяо Нью всплеснул руками:

— Ну как же! Разница огромная!

Лифт послушно звякнул на первом этаже, двери разошлись, и внутрь повалила небольшая толпа. Янь Суй, продолжая взъерошивать свои влажные, коротко стриженные волосы, принял от помощника сухое бумажное полотенце. И в этот момент краем глаза заметил вошедшего мужчину.

Янь Суй поднял голову и замер от неожиданности:

— Учитель Чжун?

На лице Чжун Цина тоже отразилось явное удивление.

Он никак не ожидал столкнуться с Янь Суем прямо в лифте, а уж тем более не был готов к тому, каков тот окажется вживую. Сколько бы Чжун Цин ни разглядывал новое фото профиля в телефоне, реальный образ Янь Суя в этот миг заставил его сердце пропустить удар.

Влажные волосы Янь Суя топорщились, придавая ему задорный, почти мальчишеский вид. Глаза, казалось, стали ещё больше и чище — глубокие, с влажным блеском и невероятно пушистыми ресницами. На чистом лице не было ни капли грима, а влажные губы удивлённо приоткрылись. Полотенце в руке Янь Суя замерло у шеи, и взгляд Чжун Цина против воли скользнул ниже.

С мокрой мочки уха сорвалась капля воды. Она блеснула в свете ламп и скользнула прямо в углубление ключицы.

Чжун Цин почувствовал, как к горлу подступает жар. Ощущая себя неловким соглядатаем, он поспешно отвёл глаза и сделал полшага в сторону, ближе к парню.

— Только со съёмок?

— Да, — Янь Суй наконец принялся энергично вытирать голову.

— На двенадцатом этаже живёшь?

Янь Суй кивнул:

— А вы, Учитель Чжун? Приехали поужинать?

Чжун Цин вытащил из кармана и показал пластиковую карту-ключ:

— Заселяюсь. Ещё даже вещи не подготовил. Как у тебя с диетой? Слышал от Си Фэна, что на тренировках вас гоняли нещадно.

— Ограничений в еде нет, — покачал головой Янь Суй, — но по вечерам у нас дополнительные занятия на выносливость.

— И что сегодня?

— Плавание.

Двери на двенадцатом этаже бесшумно разъехались, и Янь Суй вместе с ассистентом вышел в коридор. Лифт увёл Чжун Цина выше. Спешить ему было некуда.

Чжун Цин остался в своём люксе разбирать чемодан, а круглолицая ассистентка Юаньюань отправилась в ближайший супермаркет за мелочами для шефа. По дороге она столкнулась с Сяо Ню, который как раз выбирал правильную колу. Вернувшись, она тут же поделилась новостями с боссом.

— Янь Суй и Учитель Си сегодня весь день под дождём мокли! Сяо Ню теперь бегают, ищет колу, чтобы сварить ему имбирный отвар от простуды.

Чжун Цин, собиравшийся снять чехол с костюма, замер:

— Но у них же вроде тренировка вечером?

Юаньюань, настраивая увлажнитель воздуха, согласно закивала:

— Ну да! Я спросила у Сяо Ню. Режиссёрская группа принципиально против дублёров в сложных сценах. Чем дальше, тем жёстче будут нагрузки, требования к физической форме только растут. Если актёр не выдержит — съёмки встанут, да и травму получить можно. Вот им и приходится вкалывать сверхурочно после смены.

У Чжун Цина в этом проекте была лишь гостевая роль, так что его съёмочный график изначально планировался без экстремальных нагрузок. Но от этих слов легче не стало.

— Тебе не кажется, что он похудел?

Юаньюань задумалась на секунду:

— Ну, не то чтобы прямо исхудал. Скорее, поджарым стал. Мышцы прорезались.

А Чжун Цин был уверен: парень сдал в весе.

Чтобы достоверно передать образ юноши, чья жизнь перевернулась с ног на голову, Янь Суй должен был выглядеть измотанным, но не истощённым. Режиссёру Чжан Юню требовался контраст — сочетание хрупкости и невероятной внутренней силы. То, что сейчас принято называть популярным сетевым штампом «прекрасный, сильный и несчастный».

Чжун Цин задумчиво молчал, погружённый в свои мысли.

Ассистентка, словно прочитав его мысли, хитро прищурилась:

— Брат Чжун, может, после ужина сходим к бассейну, глянем, как Янь Суй тренируется? Сегодня у жены Учителя Си день рождения, так что Янь Суй там точно будет отдуваться в гордом одиночестве!

<http://bllate.org/book/18281/1750482>